

ИНТЕРВЬЮ с НИНОЙ САВИНОВНОЙ ГАЕНКО

Интервьюер: Софья Чуйкина
дата: 20.04.1994 СПб

Респондент: 1938 г.р.
образование высшее, химик,
закончила ЛТИ;
замужем, двое детей (1961, 1975);
1963-65 "Колокол"

*раннее
сез.*

Я родилась в 1938 году в Гатчине. Мать моя родом из Орла, отец – из под Нижнего Новгорода, из старообрядческой семьи. Но он от родителей своих отрёкся, так как был комсомольцем, передовиком, рабочим. Во время войны мы эвакуировались, сначала к отцовским родителям, там мы с матерью жили. А отец работал на заводе в Кировской области токарем. В 1942 году он умер в эвакуации, ему ещё тридцати лет не было. Мы с матерью очень бедствовали, голодали там на чужбине. И когда освободили Орёл, мы поехали туда – мать, я и сестра, это было в 1944 году.

– Сестра старшая?

Н.Г.: На три года старше. И в Орле я закончила школу. Конечно, жили мы очень бедно, мать была практически без образования, работала на чёрных работах. Тогда все голодали, после войны, а мы особенно. Когда ругают всех, и говорят, что было хорошо при Сталине, я говорю: "Не знаю, как вы тут, а моё всё детство прошло в очередях за булочкой, за хлебом". В три-четыре часа ночи туда шли, томились. Учились мы в третью смену, при свечах, коптиках, потому что школ в Орле было очень мало. Но учились я хорошо. Тогда за 8-10 класс надо было платить, моя сестра поэтому училась только до седьмого класса. А мне удалось закончить школу. В 1955 году я её закончила.

Я с самого начала мечтала о Ленинграде, хотя большинство наших выпускников училось в Москве. Но я собирала открытки с Ленинградом, изучала. Я закончила школу с серебряной медалью, и сначала хотела поступать в медицинский. Но когда я написала сюда запрос, мне ответили, что принятым в 1955 году не дадут общежития, и стипендия была меньше в медицинском, чем в тех-

ническом. Химию я тоже любила, и пошла в Технологический институт, на факультет силикатов, потому что там была побольше стипендия. Экзамены я не сдавала, потому что была медаль, и пока все сдавали экзамены нас, медалистов отправили строить Терновскую ГЭС. С ребятами, с Ронкиным и Сиротиным я познакомилась уже на первом курсе, а с мужем чуть попозже. 5 декабря 1955 года мы пошли в зимний поход, и там познакомились. Сиротинин вообще со мной в одной группе учился.

- А Нина Андреева с Вами не училась?

Н.Г.: Почему-то я её не помню. Наверное, она была выпускником раньше, или позже, точно не на нашем потоке.

С мужем мы познакомились, встречая Новый 1956 год, а в 1958 - поженились. После 1956 года мы поехали на целину, летом, там мы работали на заготовке сена, там тоже были Ронкин и Сиротинин. А в 1958 мы снова ездили, тогда мы были женаты, и тогда уже все ездили, и Хахаев тоже. Так что уже костяк был.

Помню, были рейды комсомольского патруля, когда мы ходили на Большевичку, в Клуб 25-летия Октября, ходили мы, конечно, с комсомольскими значками, и со значками Дзержинского.

- Вы были активной комсомолкой?

Н.Г.: Да. Но я была более активной пионеркой, в школе. Была председателем совета дружины одно время, а здесь в институте я пошла в старосты группы, с самого начала. Но я хочу сказать, что тогда с ребятами - в меня больше проникали не сами идеи, тогда это были просоветские идеи, комсомольские, а люди, которые несли эти идеи.

- Идеи были город сделать чистым?

Н.Г.: Да. Даже у Ронкина стихи были:

Вперёд, комсомольцы, вперёд рейдбригада,
Очистим наш город родной.
Здесь нет хулиганам пощады,
Суров разговар со штаной!

Вперед, комсомольцы, вперед рейдбригада,
Очистим наш город родной!

Я хочу сказать, что была очень просоветски настроена., простилиниски. Я была из бедной семьи, и думала, что где-нибудь за рубежом мне бы в жизни не пробиться. Я тогда услышала какую-то пьесу, или прочитала, где герой говорил, что сейчас главное не иметь красивую одежду, обед и компот на третье, главное - что у тебя есть возможности проявиться, что можешь где хочешь учиться. Вот как я - захотела в институт, правда не в тот (смеётся). Но всё-таки, я пробилась. Мне даже в общежитии девчонки говорили, что я смотрю через розовые очки, настолько я всё идеализировала.

По правде говоря, в нашей семье Столина поругивали. Так я считала, это чуть ли не личным оскорблением. Все мои родственники были не очень довольны. Потому что очень бедно жили. В магазинах ничего не было. Когда я сюда приехала, то первое, что сделала - купила 50 грамм сливочного масла и съела его как пирожное. Учиться я старалась на повышенную стипендию, потому что 25% прибавки, это были деньги.

- Когда началось инакомыслие? Почему пришли антисоветские мысли?

Н.Г.: Это, пожалуй, с ребятами связано. Эти идеи между собой Серёжа с Валерой обсуждали, когда в патруль ходили - что всё не так. Я помню наши споры с мужем, когда я защищала эту власть. Но я думала, что Серёжа, Валера, они кроме Технологки, ещё учились на историческом в университете на вечернем, они прорабатывали Ленина... Когда я поступала в аспирантуру, мне тоже пришлось это промиловать - и я смотрю, что совершенно не то мы имеем, что Ленин хотел, например, в "Государстве и революции". И понимаете, если бы эти идеи несли хулиганы, пьяницы, они бы до меня не дошли. Но это были люди, которых я уважала, я знала, что они умные, чистые и порядочные, и что они не могут думать плохое. И поэтому, идеи эти очень быстро меня покорили. Правда, я не очень читала классику, а так приняла на веру. Не столько на знание, сколько на веру.

В 1961 году у меня родилась дочка, мы каждые выходные старались с ней ездить на природу, обсуждали, читали.

— Когда Ваш муж стал в этом участвовать?

Н.Г.: Вместе со всеми, наверное, году в 1963, когда стали ребята обсуждать. В написании книжки я думаю, мой муж не принимал участия. Он её главный изготовитель. Книжка же была изготовлена фотоспособом. Сначала он это печатал на машинке под мою диктовку, потом лист каждый снимали, я помогала ему проявлять всё, и всё сшивали. Изготовитель главный мой муж. Потому что у нас был фотоаппарат, и увеличитель, он умел и любил это делать.

— Для чего это делалось? Что это значило лично для Вас?

Н.Г.: Ну чтобы народ узнал, чтобы люди узнали. Там же было так хорошо всё написано, так ясно и чётко. Ребята такие умные, так всё сочинили, разложили. Я сразу прониклась идеями этой книжки, и хотела, чтобы другие её прочитали. Вот с этой целью. Она называлась "От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата (пути построения коммунизма в СССР)". Как говорится — за что их посадили? Понятно, если бы они призывали к реставрации капитализма, или к свержению вообще советской власти. Тогда им бы столько же дали. А они защитники коммунизма были.

— Они просто марксизм пересматривали?

Н.Г. — Да. По-моему, они Джиласа читали... Читали какой-то источник, и поняли, что наш социализм, это не то, что хотел Ленин. Там сказано, что равная зарплата рабочим и чиновникам должна быть. В этой книге, там в нескольких главах говорится, что социализм — это диктатура одного класса, ^{наш} ^{бюрократии}. А ребята как раз призывали к диктатуре пролетариата, то есть, как раз к тому, к чему Ленин, и под каким лозунгом прошла революция. Хотелось, конечно, обо всём этом рассказать людям. И листовки были на это же направлены.

— А когда Вы листовки распространяли?

Н.Г.: А листовки, сразу после книжки. В 1964 году, частью в

в 1965. Мы жили на улице Ракова во дворе, первый этаж у нас был. И вот мы печатали, диктовали много. Можно было встать под окно и всё услышать. Машинку купили ребята.

- Текст листовок сочиняли Ронкин с Хахаевым?

Н.Г.: Да и муж мой тоже. Про Смолкина и остальных я не знаю. Это Вы лучше у них спросите, потому что у меня была исполнительская функция. Я не сочиняла. Я только об этом мечтала. Думала - вот, немножко разгружусь... Я же в 1963 году пошла в аспирантуру, имея двухлетнего ребёнка. Страшно хотела учиться. Отработал два года после окончания - работа мне не приравнялась, в командировки стали гонять, правда, это до рождения Татьяны. А мне так хотелось учиться, опять ходить по этим коридорам, слушать лекции. И я пошла в аспирантуру. У меня диплом был с отличием, я сдала на все пятерки вступительные, и поступила на ту кафедру, на которой я специализировалась.

- Диссертацию защитили?

Н.Г.: С диссертацией было сложно. Я защищила через много лет, уже когда муж вернулся. Меня же тогда исключили из аспирантуры. И я была в аспирантуре, и был ещё двухлетний ребёнок, было очень некогда. Поэтому особо читать было некогда, и писать тоже. Но очень хотелось написать. Я читала Крупскую и хотела что-то написать о воспитании. Я была уже немножко знакома с системой садиков и ясель, с системой нашего теперешнего государственного воспитания, не молодежи, а вот именно маленьких.

- Дочка ходила в детский сад?

Н.Г. Да, в ясли с года. Мне скорее на работу надо было. А до года нињка какая-то была, я сразу же на работу вышла. Тогда декрет не давали. Мне дали декрет на один месяц, ^{отпуск по уходу} пошли навстречу. Потому что иначе нужно было увольняться.

В первый год аспирантуры я ходила на все курсы, даже

на второй иностранный язык. Ходила на все занятия, какие только можно было.

- Почему Вы решили воспитанием заняться?

Н.Г.: Я хотела даже не воспитанием заняться. Я хотела написать. Насколько переродилось наше воспитание по сравнению с тем, что писала в своих статьях Крупская. Она предвидела, как надо воспитывать детей, а что мы в результате имеем: что дети болеют, эту казёнщину, и что воспитатели даже рады, что они болеют, потому что им платят не по количеству ребят оклад и чем меньше детей, тем им лучше. Формализм, бездушие... Про это я писать хотела, и у меня даже были какие-то заготовки. Самое интересное, что когда у нас был обыск, и они перерыли всё - у меня был набросок статьи в сумке, которая лежала в прихожей - и они уходя, прошли мимо. Правда, они и так много взяли - несколько экземпляров книжки, листовки свежезаготовленные, машинку. Были статьи для "Колокола". Было ощущение, что они всё знают. Я думаю, что они под окнами подслушивали накануне. Потому что у нас ребята собирались, обсуждали, и всё это громко, конечно.

- А какие у Вас были идеи по поводу воспитания детей? Вы считали, их нужно воспитывать дома?

Н.Г.: Нет, такого я как раз не думала. Это я сейчас думаю, что надо дома. А тогда я считала, что конечно, надо дать женщине возможность себя проявить, по крайней мере, если она этого хочет. Я по себе судила. Мне очень хотелось. Я Татьяну готова была подсунуть куда угодно - в какие угодно ясли, в садик и к няньке, и идти на работу. Я хотела работать, делать что-то. Конечно, муж и свекровь мне очень помогали. Потому что я была на кафедре с девяти до девяти, иначе было не успеть всё сделать. Я была очень увлечена наукой. Статью свою я конечно, плохо помню. Потому что когда они ушли, я всё это разорвала. Не помню что, но что-то мне очень хотелось написать, но не доходили руки.

Ну в чём я ёщё принимала участие, кроме технической работы... Поручил мне как-то Серёжа листовки на химфаке разбрать. Я пришла, положила на подоконник, где обычно курят ребята, в какую-то аудиторию сунула.

- Сами?

Н.Г.: Да, одна я. И почему-то Серёжа об этом сказал. И меня потом на допросе спрашивали: "Когда и при каких условиях Вы распространяли листовки на химфаке?" Я сказала, что ничего такого не было. И на очной ставке Хахаев тоже отказался. Тогда я первый раз после ареста ребят увидела. Это было, наверное, уже в августе.

Да, когда ребят забрали, мама Серёжи Хахаева была в санатории. Мы решили сделать у них уборку, просто так, мы не думали, что там может что-то быть, хотели хотя бы пить вытереть перед её возвращением. И в постели ^{Ксении} Нини Ивановны мы нашли пачку "Колоколов". Я их взяла, и на чердаке нашего дома куда-то в шлак их спрятала. Тогда с нами ёщё была Валя Чикатуева. Кроме "Колоколов" мы ёщё нашли трубу - специальное устройство, через которое ребята хотели раскидывать листовки, например, в театре с балкона и с ярусов. И незадолго до ареста испытывали эту трубу. Я даже до сих пор не знаю, на чём она действовала, на каком ^{имеется} методе, надо у них спросить, у главных конструкторов. Как раз 5 июня мы ездили в лес испытывать эту трубу. Татьяна была в санатории, мы ездили её навещать в Ушково, и заодно испытывали там эту трубу. То есть, пока я была с дочкой, они испытывали. И тогда мы с Валей решили её выбросить в мусорное ведро. Буквально через несколько дней вызвали на допрос Чикатуеву и она не вернулась. Её и Зеликсона взяли в августе, не помню, какого числа. Валю обвинили в том, что она изготавливала клише для "Колокола".

В КГБ после этой уборки, не знаю как вычислили, что "Колокола" у меня, и требовали, чтобы я их отдала. И мы с Володей Шнитке всё ходили вокруг памятника Пушкину и думали: отдать - не отдать. А что, если они всё-таки вычислят, где они и что делать. Он тогда меня склонил к тому, что видимо, надо отдать.

- Из-за того, что ещё ребёнок у Вас был?

Н.Г.: Да, нет. Ещё когда они в первый раз меня вызывали, на очную ставку с Серёжей, они сказали: "Не думайте, мы всё равно про вас всё знаем".

А потом, этот день я весь помню, я должна была ехать в Поляны, там жили мои дочь и свекровь, и я везла им арбуз. Выхожу из ворот, подъезжает машина, и они меня посадили туда, привезли к себе и начали обрабатывать. Когда они говорили: "Вы, комсомолка, должны помогать следствию", то это от меня отскакивало. А когда они начинали говорить: "Вы должны позвалеть родителей... Бросьте, Нина, были бы ребята, а "Колокола" будут. Думаете, мы не найдём? Мы всёнайдём. Ваш дом перевернём, ещё раз перевернём всё у Хахаевых, на дачу к Вам поедем, там всё перевернём." И как-то это запало. Это был следователь Кондратьев, который у Серёжи Хахаева был. У него на столе, под стеклом было крупно напечатано: Колокол даёт трещину. Как сейчас помню - крупным таким шрифтом. Я ему говорю: "Как я могу отдать, это ведь чужие." Он говорит: "А Вам нужно разрешение Хахаева?" - "Да". И через некоторое время он мне принёс записку от Сергей: "Мама, отдай журналы". Я говорю: "Это ведь "мама", а не "Нина". Морили они меня с семи утра где-то до полдня.

Пугали они меня. Говорили: "смотрите, вот зарешеченное окно, туда вас посадят". Надо сказать, что морально я была к этому готова. Потому что за мной было достаточно дел. Климанову и Чикатуеву взяли за меньшее. Я помню, что я написала записочку и положила в шкаф для Татьяны.

Там было написано, что мы не виноваты, мы хотели как лучше, хотели добра народу и родине, что папу уже взяли. Я уверена была, что меня тоже возьмут.

- Кто бы её тогда воспитывал?

Н.Г.: Свекровь была ещё годах в приличных. Потом эта записка каким-то образом попала к Галине, моей золовке, а потом к Тане. Когда Таня мне её показывала, я сказала, что не хочу даже читать. Но может быть, потому, что на следствии про меня никто ничего не сказал, ну кроме Хахаева, но и он потом отказался — я осталась на свободе. Я даже единственная из ёй не была свидетелем на суде.

В общем, мы с Володей решили, что надо отдать журналы. Я подумала, что если у нас будут обыск делать, у свекрови может вообще инфаркт быть, а Серёжина мама — пожилой человек. И я их на чердак привезла, кагебешников, а сама забыла, куда зарыла журналы. Они начали орать, что я обманываю. Но этого я не могла даже врагов привезти и сказать — не дам. Потом мы их нашли и они взяли журналы.

- Ваша группа была дружеской компанией, да? Вы праздники вместе отмечали?

Н.Г.: Да, конечно. И в походы вместе ездили, с Ронкиным; с Серёжей. А Веня, Лиза, Алла Соколова, Люся Климanova, они немножко дальше были. Хотя Лиду Иофе я очень хорошо помню по рейдбригаде — она была активная комсомолка очень. Люсю я плохо знала тогда, она была подругой Иры Ронкиной. Аллу Соколову я знала мимолётром, тоже через Иру.

- Расскажите пожалуйста про Аллу Соколову.

Н.Г.: Она была с Лидой Иофе на одной кафедре. Она тоже читала эту книжку. Больше ничего, по-моему, не делала. И сейчас она работает на одном заводе с Люсей Климановой.

Когда ребят посадили, мы с девочками конечно собирались всё время. Помню, Лиза приносила шоколад: девочки, ешьте. Потому что не взяли почему-то передачу. Конечно, мы не работу продолжали, а обсуждали, переживали — как передачу снести, на свидания... Так и прошло всё это лето в какой-то горячке.

Когда начался учебный год, начались к нам всякие санкции. Они хотели всё сделать наоборот. Ира Ронкина работала в цехе, на производстве, ей там нравилось. Так её перевели в отдел, потому что "нечего рабочих разлагать". А я была в лаборатории, мне сказали: "иди на завод". Отчислили меня из аспирантуры, выгнали из комсомола. И я устроилась на завод — ~~бывший~~ завод радиокерамики сменным мастером.

— Это там Вы двадцать лет работали?

Н.Г.: Нет, я там работала только до освобождения мужа.

— Сколько лет он сидел?

Н.Г.: Четыре года, до 1969. В 1970 я уволилась с завода и пошла в институт огнеупоров, с большим трудом меня туда взяли. И я начала заниматься диссертацией. В 1973 я только защитилась. Мне уже 35 лет было.

— Вы позже общались с правозащитниками?

Н.Г.: Да. Муж же был распорядителем фонда Солженицына одно время. Да наверное, общалась. Уже в конце его срока, перед освобождением мы познакомились с Ариной Гinzбург. Если сначала мы с Иркой ездили сами по себе, то потом стали заезжать к Арине. Нам уже стали давать деньги на билеты.

— Уже в 1969 году?

Н.Г.: Да. И когда я ездила за ним, мы в 1969 году на обратном пути у Арины останавливались, и уже там собирались люди. Я очень хорошо помню Наталью Горбаневскую, у неё тогда ребёнок маленький родился. Все слушали про свидания, как мы ездили.

— Арина сама Вас нашла?

Н.Г.: Не помню, как мы вышли на Арину. Но я была с ней знакома ещё до Вадикова ^{9го} возвращения. По-моему, с ней сначала Ира познакомилась как-то. Потом Даниэль вышел на ребят. Уже в 1967 году Люся вышла, потом вышли Зеликсон и Валя, потом Смолкин, потом Машков, он учился на биофаке. После освобождения он уехал в Израиль, а перед этим женился на Фане Каплан! Жену так звали. (смеётся)

- Правда, что ли?

Н.Г.: Да, по настоящему. Фаня - имя, Каплан - фамилия. Такая была шикарная свадьба. Я помню, мы ей подарили пистолет. Они жили в Минске, а когда Смолкины уехали, то они тоже, следом.

А Арина нас всех пасла, пока не уехала. Меня посыдали без конца в командировке в Москву, я у неё останавливалась, нянчила её детишек. А потом я стала останавливаться у Веры Коган, она приятельница Елены Боннер. Они тоже занимались распределением Фонда. Потом Вера тоже уехала в Израиль.

- Так что круг был общий?

Н.Р.: Да. После 1967 года.

- Когда Владимир Николаевич стал заниматься фондом? После Репина?

Н.Г.: Или после, или даже параллельно. Знаете, к фонду он меня не привлекал, сказал, что хватит. Дело-то было уголовное. Он сказал: "Я хочу, чтобы если тебя вызовут, ты могла сказать "не знаю" на самом деле". Единственное, он мне иногда поручал отвезти деньги, я возила в какую-то семью. Ещё я помню, была у Казачковой в квартире у магазина "Петровский" на Петроградской. Там вся квартира была увешана картинами. Мы носили деньги его матери, Доре Аркадьевне. А так в основном всё делал муж, старался сам делать.

- Но Вы не были против этой его деятельности?

Н.Г.: Нет, конечно.

- У Вас были свои политические взгляды? Или Вы в этом соглашались с мужем?

Н.Г.: Взгляды, да... Я Вам рассказывала, что сначала у нас были промарксистские взгляды. А потом мы так и остались, а у них-то в лагерях всё изменилось. Когда Вадик вернулся, ^{всё} время говорил: "Нет, надо мне с Сергеем поговорить. Не понимаю, что они теперь за капитализм?"

^{Вадик}
- У него тоже взгляды изменились?

Н.Г.: Да. Он сказал: "Лагерь нас перевоспитал". Из марксистов они превратились в антисоветчиков.

Вот, например у Ронкина сначала стихи про режим были чисто лирические: "вперед, комсомольцы...". Вот, например, его стихи до лагеря:

Двор тюремный глубоким колодцем
Только ~~удали~~ в погожие дни
Иногда освещается солнцем,
Остальное пространство в тени.

Посредине клетушки-загоны
Разгорожены стенкой глухой,
На прогулки сюда заключенных
Ежедневно выводят конвой.

Тишина. Лишь порой долетают
Издалёка трамваев звонки,
Да кричит воробышья стая,
Да за стенкой соседа шаги.

Я не видел его и не знаю -
Здесь сидит всевозможный народ.
Иногда мой сосед напевает -
Про "враждебные вихри" поёт.

Это значит - за стенкой загона
Та же участь и та же статья.
Это значит, сосед заключенный
Политический, также, как я.

Видите, "враждебные вихри" тогда ещё были. Я помню, мы с пластинки эту песню разучивали.

А потом уже другие стали у него стихи. Вот например, Серёжиной маме:

Когда о сыне спросят Вас,
Не опускайте в землю глаз.
Не говорите: он в отлучке.
Скажите честно: за колючкой,
Мой сын находится сейчас.

Он не мошенник и не вор,
С ним по статье семидесятой
Сидят такие же ребята,
Нам эта правда не позор!

Мы все уверены, что будет
На нашей улице земля *заре*
И те, кто нас сегодня судят
Заполнят завтра лагеря!

Видите, уже появились стихи немножко кровожадные.

- А Вас не казалось, что взгляды слишком радикальны? У ребят?
И в книжке?

Н.Г.: Тогда не казалось. Сейчас я думаю, что немножко да...

А тогда я бегала на заводе вокруг печей, перечитывала о Желябове и Перовской, и говорила: не верьте, что это была ошибка бросить бомбу в ноги царю. Хоть они и погибли, но этот поступок имел воспитательное значение для нас. Вера в коммуну.

- А жёны декабристов?

Н.Г.: Ну, ими я вообще восхищалась, преклонялась перед ними.
До сих пор восхищаюсь. Когда *их* ^{ребят} в Мордовию отправили, я хотела туда поехать жить. Но меня останавливало дочка, во -вторых, я знала, что там не устроишься на работу, нет жилья. Декабристкам легко было, у них всё-таки был капитал. А у нас ничего не было. А так бы поехала и жила бы там.

Но мы же на свидания приезжали. В первый раз мы с Ирой Ронкиной поехали на свидания. Тогда Валера и *Валентина* в Явасе были. А там рабочая зона отделена от жилой, и перегородка через посёлок. Там дорога проходила. И вот, утром и вечером становится автоматчики, и охраняют. А нам видно, как они идут, ребята! У Валеры были стихи хорошие. Прочесть?

- Конечно.

Мы идём мимо плачущих женщин,
Мы идём, мы проходим в молчанье,
Мы не смеем сказать им ни слова,
Мы не можем махнуть им рукой.

Мы идём, а у них за плечами
Рюкзаки с табаком и харчами.
Рюкзаки с нерастраченной страстью,
Рюкзаки с мимолётной тоской.

Ох и трудно, наверно, им было
По грошу собирать на билеты,
По куску собирать передачи
Для своих непутёвых ребят.

И как слёзы роняя монеты,
Прикупать, прикупать сигареты,
И везти, и нести наудачу,
И ушишать: "везите назад".

И привыкшие тут по-дикарски
О любви толковать обнажённо,
Мы проходим смиренно и тихо,
Без подначки и без матерка.

Потому что мы тут не пижоны,
Потому что усталые жёны
Не дешёвки, не шлюхи, не бабы,
А названные сёстры зэка

Мы идём, простаки и поэты,
Променявшие ~~волю~~ и семьи,
Променявшие женские ласки
На слова, на мечты и на сны.

Только что же нам делать, что все мы
На крови созидаем поэмы.
Уж такие мужья вам достались,
Вы простили нас, наверно, должны.

(стих. Ю. Данилев)

Это очень показательно. Потому что, действительно. Они идут, ^{Каждый зреет:}
мы машем. Они орут: прогоним, если только будете говорить. Ну, отгонят, мы снова подойдём. Вот так два раза в день можно было общаться. И когда кончится свидание, тоже можно было: ты встанешь на бугорок, а он встанет на ларёк, и тоже можно помахать. Нам всё-таки раз в год давали свидание с начёвкой на два-три дня, в зависимости от поведения. И два общих, на два часа. На общие я девчку и свекровь брала. Насчёт "везите назад", такое тоже бывало, но обычно мы всё-таки предварительно списывались, чтобы зря не ехать.

У Ронкина ещё такая была песня:

Суд окончен давно и готовы бумаги,
Значит, нам суждено жить с тобой в Дубровлаге.
По сигналу вставать, дожидаться отбоя,
дни неволи считать суждено нам с тобою.

Здесь и днём и в ночи
Мысль голову кружит,
Стисни зубы, молчи, чтобы не было хуже.
И не мучай души сожаленьем напрасным —
Это строгий режим для особо опасных.

Здесь порою часы как недели проходят,
Здесь свирепые псы, автоматы на взводе,

И колючкой не зря огорожена зона:
 Это спецлагеря для политзаключенных.
 Не таешь го, Русь, арестантской баланды.
 Декабристов союз угодил в арестанты,
 Чернышевский был тут и Народная воля,
 А теперь вот и нам эта выпала доля.

А вот его стихи, когда они только пришли:

В холодных камерах тюрьмы
 И лагерной пыли
 На джунгли нависти мы
 На практике прошли.
 Настанет перелом в борьбе -
 Предъявим счёт к оплате.
 На всех жандармов КГБ
 Столбов фонарных хватит.
 Они не всепрощенью нас
 Учили в лагерях.
 Учителя, настанет час
 Висеть на фонарех.

Валере, конечно, не повезло. Он попал потом во Владимирскую тюрьму. Нам и общения нет, и режим строже - ни посылок, ни свиданий. Ведь посылки все по очереди получают. А рюкзаки были действительно огромные. Мы объединялись обычно с кем-то из жён, чтобы вдвоём ехать.

- Скажите, если расставить приоритеты - семья, работа, борьба. Действительно ли борьба - это было самое важное, как в предыдущем стихотворении? Для Вас и для ребят?

Н.Г.: Ну да, конечно, для них это так было. Особенно в молодости. А для меня нет. Я считаю, общественное служение важным, только немножко в другом. Может быть, заниматься благотворительностью, помогать обездоленным. Есть муж, дети. Как-то так. А не менять строй. Но по молодости, конечно, жили этим.

- Скажите, что Вы думаете о предназначении женщины? В семье, в обществе? Вы когда-нибудь размышляли об этом?

Н.Г.: Думала. Но конечно, это ^{представление} предназначение меняется в течение жизни.

- Расскажите пожалуйста, как было и как стало.

Н.Г.: Я считаю, что проявить себя как личность женщина долж-

на обязательно. А то может быть потом сожаление на всю жизнь. У меня, слава богу, этого нет. Я сейчас совсем не скучаю по работе.

Если в первые годы, для меня пожалуй, наука была важнее общественной работы - я была увлечена очень своей диссертацией и работой и я была готова дочку куда угодно подсунуть. Она болела пневманией, и мне предложили отправить её в круглосуточный садик в Ушково. И я её туда запихала, а сама по субботам ездила. А в 1975 году, когда сын родился, мне очень уже не хотелось идти на работу. Но мне пришлось из-за денег. Потому что я была кандидат и намного больше мужа получала, нам было не прокормиться на одну его зарплату.

- Скажите, кто в Вашей семье занимается бытом?

Н.Г.: Мы вместе занимаемся. Муж всегда мне очень много помогал. Мужскую работу, как гвозди прибить, он конечно, делает. Держит в порядке наш "Запорожец". И картошку не стыдится почистить, и стирает, в машине, конечно. Сейчас огород окучиваем на нашей даче.

Мы поженились рано, мне было 19 лет; ему 20. И это удачный брак, я считаю.

Да, как менялось представление. Может быть, потому что я уже защитила диссертацию, но когда сын родился, мне очень не хотелось идти на работу. Но иначе было не прокормиться. И его я тоже очень маленького запихала в ясли, в год и четыре месяца. Хотя очень не хотелось.

В 1985 году мы взяли к себе мою мать из Орла, она болела очень тяжело, и тут уже я уволилась, не дожидаясь пенсии, просто ушла. Потому уже мама умерла, но я не вернулась на работу. Занялась немного собой. А потом увидела объявление, что требуется женщина гулять с колясочкой. И я стала пасти эту семью - и в первый же год повезла всех - троих детей - к себе на дачу.

И я пасу этих детей, беру на выходные сюда. Своих внуков у меня нет, моя дочка не замужем, и я скучаю. И так я себя нашла. Сейчас я по объявлению нашла другую семью, потому что эти переехали.

А моя дочка Таня, она верующая. И она меня привлекла в церковь. Я была крещеная, но моя мама ~~не~~верующая. А тут я стала ходить иногда в церковь.

- А раньше не ходили?

Н.Г.: Нет. Еще классе во втором-третьем меня водили в церковь, а потом, когда я стала пионеркой-комсомолкой, я стала активной атеисткой... А теперь я стала немножко почтывать, проникаюсь потихоньку. Хотя не могу сказать, что я истовая христианка, но Библию читаю. А дочка очень праведная, верующая. Много знает, читает.

- Кто Ваша дочка по профессии?

Н.Г.: Она закончила биофак университета. Она работала в институте Пастера, но ушла оттуда, потихонечку приторговывает.

- Теперь Вы думаете, что счастье - в детях?

Н.Г.: Да, после того как сын родился. И еще меня стала тяготить работа. Много делаешь, и бесполезно - отчеты на полку. А потом еще стали ограничивать в деньгах исследования, было не сделать достаточно экспериментов, надо было писать отчеты с потолка. Теперь я совсем не скучаю. Вообще, я думаю, что правильная поговорка - "всякому овощу свое время". Так что насчет предназначения женщины, я думаю, что не надо наступать на горло собственной песне. Если тебя тянет в политику и в науку, и ты можешь это совмещать с семьей.. Или не можешь совмещать, так может, то для тебя важнее. А если хочется сидеть дома, как мне в последние годы, то хорошо бы был достаток и можно было бы не дождаться этой пенсии сесть и сидеть. Я всем говорю, что выработала свой ресурс; а некоторых и в шестьдесят лет с работы не выгонишь.

- Назовите пожалуйста общественно-политические события, три самых важных, наших или зарубежных, которые Вам запомнились, произвели впечатление?

Н.Г.: Реформа Горбачева¹. Может быть, её нельзя назвать событием, но это было то, что я приветствовала всем сердцем. Хотя ухудшилось материальное положение, конечно, но я во всех очевидях спорю и говорю, что теперь гораздо лучше. Хотя бы нет политзаключенных, можно говорить, дискутировать. Мне нужна была свобода, поэтому на меня это произвело впечатлением. А ко всем остальным событиям я спокойно относилась. Меня многое другое — личное, семейное, работа, эмоциональное — это занимало больше, чем что-то внешнее.

- Какие у Вас есть интересы кроме работы, для души? Поэзия?

Н.Г.: Из поэзии мне ближе женщины-поэтессы лирические, именно женская лирика меня привлекает. Каптиян, Берггольц я люблю. Читаем фантастику, Толкиена, это сын особенно любит, Льюис. Сейчас я больше читаю религиозную литературу — ^{Анг.} Меня.

- Спасибо большое.